

В Малом театре Сан-Франциско

Недавно группа артистов Академического театра драмы им. А. Упита по приглашению латышского Малого театра в Сан-Франциско посетила США. В состав этой группы входили народные артисты СССР А. Янушан и Л. Фреймане, заслуженные артисты Латвийской ССР А. Кайриш, У. Думпис и Г. Яковлев.

По просьбе редакции главный режиссер Театра им. А. Упита А. ЯНУШАН делится с читателями «Советской культуры» впечатлениями от поездки.

— Сам Малый театр — любительский, — рассказывает Альфред Игнатьевич. — Его актеры, как правило, работают где-то на предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях. Этот коллектив, включивший в свой репертуар и пьесу современного латышского драматурга Хария Гулбиса «В камине тихо ветер поет...», приезжал к нам в Латвию.

Наша поездка прошла продуктивно и интересно. И хотя она не была гастрольной (мы приехали в Соединенные Штаты прежде всего для того, чтобы ближе познакомиться с творчеством наших коллег), у нас, естественно, родилось желание показать любезным хозяевам и наше искусство, искусство советского латышского театра. Из современного советского репертуара мы включили в программу фрагмент из пьесы П. Петерсона «Мне тридцать лет».

Во время пребывания в США мы, естественно, вращались больше всего в актерской среде. Что же бросается в глаза?

Прежде всего то, что жгучее стремление полнее, больше работать по призыванию могут осуществить далеко не все. Наши друзья — супруги Бригита и Лаймонис Силини, например, будучи артистами высокого класса, занимаются искусством лишь в часы досуга. Она работает учительницей, он совладелец маленькой типографии. К сожалению, театр не может обеспечить даже прожиточный минимум в условиях практического отсутствия стабильных, постоянно действующих художественных ансамблей. Один американский артист рассказывал нам, что в их профсоюзе зарегистрировано свыше 18 тысяч

профессиональных актеров. Но больше половины из них не имеет ангажементов. Значительная часть ведет кочевой образ жизни, выступая в составе то одной труппы, то другой.

Конкуренция на бирже актерского труда коверкает многие судьбы. Если артист выступил неудачно, карьера его раз и навсегда кончена. Ему уже не подняться. Никто из продюсеров не захочет рисковать, возобновляя с ним контракт. Если артисту удалось попасть в категорию «звезд», то он может надеяться на работу. Но ведь и «звезды» гаснут!

Мы видели много интересного. А Бродвей, например, я посмотрел спектакль, который в вольном переводе называется «Моя жизнь дана мне».

Борьба человека за право самому определить свою судьбу, свой жизненный путь — такова главная тема этого спектакля. Все артисты в этом спектакле играли превосходно.

Видели мы отличных артистов и в других спектаклях. Нас покорили актрисы-негритянки, обладающие изумительным чувством ритма, врожденной музыкальностью. Большое впечатление произвели выступления детских коллективов из Чикаго и Нью-Йорка.

Запомнилась встреча с артистами театра «Америкэн консерватори театр», гастролировавшего в Советском Союзе. С ними мы провели целый день. Смотрели спектакли, показывали фрагменты своих постановок. Этот один из немногих стационарных профессиональных театров США, расположенный в Сан-Франциско, имеет великолепных исполнителей. С радостью видели мы, что в своей работе они используют принципы системы

Станиславского. Это подлинно реалистический театр.

Увы, далеко не все впечатления наши были радостными. Иной раз мы выходили из театра или кинозала с чувством стыда, подавленные нелепостью и низкопробностью зрелищ, которыми так часто кормят здесь рядового американца. Достаточно вспомнить в этой связи хотя бы посещение одного полупрофессионального театра. Пьеса австрийского писателя Баера, которую нам показали, называлась «Магнетические поцелуи». Это была смесь грубого натурализма и откровенной порнографии.

И все-таки, несмотря на все попытки американской «индустрии развлечений» отравить вкусы зрителей, сами зрители упорно тянутся к реалистическому искусству, к искусству больших мыслей и чистых чувств. Не случайно, в среде американской интеллигенции так велик интерес к русской классике, особенно к Чехову и Достоевскому.

Все, с кем нам довелось общаться, были единодушны в своем стремлении к дальнейшему расширению культурных контактов с Советским Союзом. Хотя представление у средних американцев о нашей жизни, в том числе и о культурной, изрядно искажено буржуазной информационной машиной США. Это обнаружилось порой даже в беседах с людьми, настроенными весьма доброжелательно.

Увидев на латышском языке фрагменты из пьесы А. Островского, один из зрителей спросил недоуменно:

— Разве вы играете русскую классику на своем языке? Не по-русски?

Другие удивлялись:

— Неужели у вас действительно есть артисты, проработавшие в одном театре 30—40 лет?

Третьи спрашивали:

— В самом деле каждый кончающий театральный институт получает направление в театр и попадает на сцену?

Им было очень трудно понять, что в нашем артистическом мире нет места жестокой конкуренции, столь свойственной искусству капиталистического общества, что ее заменяет здоровое творческое соревнование, что государство, общественности последовательно защищают интересы артиста, стимулируют развитие его дарования.